

Приближается День Победы. Один из редких дней, сохраняющих всеобщее единение в чувстве гордости за массовый героизм и патриотизм нашего народа в Великой Отечественной войне. Но нельзя не замечать, что эмоции становятся все приглушенней, а убежденность в правоте великого дела заслоняется сомнениями. Увы, но ничего странного в этом нет. Время – великий пожиратель. Если уходит память, с ней вместе уходят люди и события.

Почти ушло из жизни военное поколение: тем, кому в 1941 г. было 10 лет, сейчас – 86. Я принадлежу к поколению детей победителей. Поэтому память сохранила ощущение невероятной радости, великого торжества 9 мая, когда утро начиналось со звона отцовских наград, которые начищались до блеска, на улицах царил удивительный дух всеобщего воодушевления. А вечером у домов выставлялись длинные столы, куда каждый нес, что мог, повсюду звуки баянов, аккордеонов. В первое десятилетие День Победы был рабочим днем. Никого это не расстраивало и не возмущало – ведь страну надо было восстанавливать. А когда он стал праздничным, выходным - пришли торжественные парады, бравурная музыка, звучащая повсюду, и все тот же дух всеобщей радости. Хотя многие еще жили в тяжелейших условиях, иногда – на грани нищеты. Еще помню много калек – безногие на сбитых досках с маленькими колесиками, много увечных, искалеченных войной. У соседки был муж – только туловище и голова, помогали ей всем двором, но не помню, чтобы она кого-то кляла, ухаживала за ним, как за ребенком, радовалась, что жив. Все старшие мужчины нашей семьи прошли войну. Со школьной скамьи и до Берлина. Двое – участники Парада Победы, несли поверженные вражеские знамена. Помню их еще молодыми, статными, гордыми. Выправка, красивая форма – медали, ордена, кортики. А вот о войне почти не говорили, а когда что-нибудь обронят, ты понимаешь, - она была такая страшная, что ни один фильм, ни одна книга не смогут всего этого передать. Потому, может, и не стонали, не жаловались, ни те, кто был ранен, искалечен, ни те, кто после плена прошел через лагеря, они все гордились Победой. Это было удивительное, сильное поколение. Именно они передали нам память о том времени. Д. С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры». Но, специфика памяти – в ее субъективности и плавкости. Одни и те же события вспоминаются ветеранами по-разному. Так в историографии бытуют всевозможные описания одних и тех же событий и даже десятки различных фотографий с флагом на рейхстаге, а это для недобросовестных историков, сохраняет возможность, как минимум, ёрничать на эти темы. Как правило, преимущественно ради опошления и принижения значения подвига наших отцов и дедов, а то и вовсе его для очернения. Появляется новая история, где переплетаются правда и вымысел, а чаще – целенаправленно внедряется ложь. Поэтому и события битвы за Берлин, грандиозного сражения II Мировой войны, обросли к нашему времени мифами. Опора историка в приближении к истине – документы. Ими мы и будем руководствоваться. Это - материалы Центрального архива Министерства обороны, Архива Института военной истории, фонды 1-го и 2-го Белорусского фронта, 1-го Украинского фронта. В нашу задачу не входит подробное освещение плана взятия Берлина и все аспекты его реализации, в рамках газетной статьи это невозможно. Отметим только, что овладение Берлином возлагалось на 1-й Белорусский фронт при содействии 2-го Белорусского фронта, который по плану наступал севернее Берлина, и 1-го Украинского фронта, наступавшего южнее Берлина.

Им предстояло замкнуть кольцо окружения западнее города. Вооружённые силы Германии еще представляли собой внушительную силу. По информации разведуправления Генштаба Красной Армии, к середине апреля в их составе насчитывалось 223 дивизии и бригады. Нацистское руководство старалось затянуть войну с целью достижения сепаратного мира с Англией и США и раскола антигитлеровской коалиции. При этом решающее значение приобретало удержание фронта против Советского Союза. Это требовало от советского командования в самые короткие сроки подготовить и провести операцию по захвату Берлина и выходу к реке Эльба на соединение с войсками союзников. Поводом для такого решения были и полученные в Москве сведения о том, что западные союзники создают для взятия Берлина группировку войск под командованием фельдмаршала Б. Монтгомери и развернули с этой целью подготовительные мероприятия.

В это время У. Черчилль направил Ф. Рузвельту телеграмму, где о советских войсках писалось: «Если они захватят Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем?» Это при том, что задолго до открытия Второго фронта, хребет гитлеровской армии был переломлен под Сталинградом, на Курской дуге, врага гнали на запад, к границам Европы. Позиция западных союзников вполне понятна с точки зрения геополитических трудов влиятельнейшего геополитика Запада, на идеях которого базируются все концепции по установлению мирового господства англосаксов – Дж. Х. Маккиндера. Еще в 1943 г. от имени Запада, еще ничего существенного не сделавшего для разгрома нацизма, в том числе и Великобритании, он открыто указал: «Наш следующий враг — Советский Союз. Грядущая борьба должна быть решающей для мирового господства, ибо конечная цель доминирование над Евразией». Отсюда понятно, почему взятие Берлина было вопросом политической важности. Телеграмма У. Черчилля была последней попыткой добиться пересмотра решения, принятого Верховным Главнокомандующим союзными силами в Европе Д. Эйзенхауэром о наступлении войск западных союзников в направлении Лейпцига и Дрездена. Но Эйзенхауэр, а затем и президент Ф. Рузвельт не поддержали его. Одной из причин этого было понимание того, ценой какого количества человеческих жизней окупится это решение. К сожалению, слова знаменитой песни: «Мы за ценой не постоим», отражали позицию советского военного руководства. С одной стороны, к берлинской операции шла беспрецедентная подготовка. Разведывательная авиация 6 раз производила аэрофотосъемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. Всего было получено около 15 тысяч аэрофотоснимков. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все командно-штабные инстанции.

Военно-топографическая служба 1-го Белорусского фронта изготовила точный макет города с пригородами, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в центре города. За два дня до начала операции во всей полосе 1-го Белорусского фронта была проведена разведка боем. К началу операции, зачастую под огнём противника, через Одер было построено 25 автомобильных мостов общей протяженностью 15 017 погонных метров и подготовлено 40 паромных переправ. Штабами фронтов были разработаны детальные планы мероприятий по дезинформации и введению противника в заблуждение. Круг

осведомлённых лиц был предельно ограничен. Командиры полков получили задачи устно за три дня до наступления. Младшим командирам и красноармейцам задачу на наступление разрешалось объявить за два часа до атаки.

С другой стороны, в ходе Берлинской операции имела место маловразумительная с военной точки зрения ожесточенная, скорее даже завистливая (это хорошо видно по документам) конкуренция между командующими 1-м Украинским фронтом в лице Конева и 1-м Белорусским фронтом в лице Жукова за взятие Берлина. Эта конкурентная гонка привела к большим жертвам среди простых солдат и офицеров. Отсюда, впоследствии, родился миф о требовании Сталина взять Берлин к 1 мая. Немецкое командование предвидело наступление советских войск и тщательно готовилось к его отражению. Стремясь повысить стойкость своих войск в обороне, нацистское руководство ужесточало репрессивные меры. Так, 15 апреля в своём обращении к солдатам восточного фронта Гитлер требовал расстрела на месте всех, кто отдаст приказ на отход или будет отходить без приказа. Стены домов покрывали пропагандистские лозунги Геббельса: «Мы никогда не сдадимся!», «Каждый немец будет защищать свою столицу!», «Остановим красные орды у стен нашего Берлина!», «Победа или Сибирь!» Громкоговорители на улицах призывали жителей сражаться насмерть. В первых числах апреля немцами была сформирована дивизия из юношей 15-16 лет. В 5 часов утра по московскому времени (за 2 часа до рассвета) 16 апреля в полосе 1-го Белорусского фронта началась артиллерийская подготовка. 9000 орудий и миномётов, а также более 1500 установок РС БМ-13 и БМ-31 в течение 25 минут перемалывали первую полосу немецкой обороны на 27-ми километровом участке прорыва. С началом атаки огонь артиллерии был перенесён вглубь обороны, а на участках прорыва были включены 143 зенитных прожектора. Их ослепительный свет ошеломял противника и в то же время освещал дорогу наступающим подразделениям. Первые полтора-два часа наступление советских войск развивалось успешно, отдельные соединения вышли ко второй полосе обороны. Однако вскоре гитлеровцы, опираясь на сильную и хорошо подготовленную вторую полосу обороны, стали оказывать ожесточённое сопротивление. По всему фронту разгорелись напряженные бои. Самым мощным узлом сопротивления, непреодолимым для стрелковых соединений, стали Зеловские высоты. Решение ввести в сражение танковые армии после прорыва полосы общевойсковыми армиями, привело к неоправданным потерям. Танки полезли вверх на холмы, пошли по коммуникациям пехоты, создав кровавый хаос в оперативных построениях общевойсковых армий. Сохранились документально зафиксированные свидетельства раненых, как танки давили свою же пехоту. Под огнем противника все войска перемешались, и создалась полная неразбериха в управлении ими. И тут еще «добавила» наша авиация, в чем также не было ничего удивительного. При столь близком соприкосновении с противником, да еще и в ситуации такой мешанины в собственных войсках, бомбы в избытке стали падать на свои же войска. В какой-то момент положение стало настолько неуправляемым, что под бомбежкой оказался даже НП командующего 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, где в это время находился также и Жуков. Поразительно, но факт, что ни Чуйков, ни Жуков в тот момент не имели связи с командованием ВВС, и в результате свои же самолеты пришлось отгонять огнем своих же зениток, иначе было просто невозможно прекратить этот побоище (очевидцы утверждают, что впоследствии Чуйков признал это в частных воспоминаниях, которые, естественно, не вошли в его мемуары). Особенностью Берлинской операции можно назвать и широкое использование крупных

танковых масс в зоне сплошной обороны немецких войск, в том числе и в самом Берлине. В подобных условиях советские бронированные машины не имели возможности применить широкий маневр и становились удобной мишенью для противотанковых средств немцев. Это привело к высоким потерям. 20 апреля ознаменовалось артиллерийским ударом по Берлину, нанесённым дальнбойной артиллерией 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. Это был своеобразный подарок Гитлеру ко дню рождения. В 12 часов дня 25 апреля замкнулось кольцо вокруг Берлина. В тот же день на Эльбе 34-й гвардейский корпус генерала Бакланова 5-й гвардейской армии встретился с американскими войсками. В ночь на 1 мая в штаб 8-й гвардейской армии прибыл начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал Кребс. Он сообщил командующему армией генералу В. И. Чуйкову о самоубийстве Гитлера и о предложении нового правительства Германии заключить перемирие. Сталин подтвердил категорическое требование о безоговорочной капитуляции. Утром 1 мая над рейхстагом уже развевалось алое знамя, установленное сержантом М. А. Егоровым и рядовым М. В. Кантария. То, что это знамя было не единственным, также подтверждено документами. Но так уж бывает в истории, что не все имена становятся знамениты. В 18 часов 1 мая новое правительство Германии отклонило требование о безоговорочной капитуляции, и советские войска с новой силой возобновили штурм. В 6 утра 2 мая генерал артиллерии Вейдлинг в сопровождении трех немецких генералов перешел линию фронта и сдался в плен. Через час, находясь в штабе 8-й гвардейской армии, он написал приказ о капитуляции, который был размножен и при помощи громкоговорящих установок и радио доведен до частей противника, обороняющихся в центре Берлина. По мере доведения этого приказа до обороняющихся сопротивление в городе прекращалось. Отдельные части, не пожелавшие сдаваться в плен, пытались прорваться на запад, но были уничтожены или рассеяны. Но и 9 мая еще не стало для многих днем завершения войны. Продолжали сопротивление локальные группы противника, а впереди были бои с Японией. И все же чувство победы уже не покидало наших воинов, но и потери тогда были еще больше и горше. Генерал-полковнику Готу, командовавшему танковой армией фашистов на восточном фронте, не откажешь в объективности следующей оценки: «Будущий историк придет к заключению, что...нападение на Россию было политической ошибкой и что поэтому все военные усилия с самого начала были обречены на провал... Упорство русского солдата... находит свое обоснование в его мировоззрении. Для него эта война носила характер отечественной войны». Она такой и была, такой и должна остаться навсегда в памяти потомком. Сохранить и защитить ее должны все мы, те ради кого ковалась эта непростая Победа.

Т. ВОРОБЬЕВА,
кандидат исторических наук,
доцент, зав. кафедрой экономических и
социально-гуманитарных наук
Петропавловск-Камчатского филиала РАНХиГС.